

В стихах Эльдара Ахатова есть цельность, которую сложно разбить на квадратики катренов. Они льются, как льётся река, завораживают, как чудо. «Ожидание чуда» – так называется новая книга известного поэта, прозаика и исследователя творчества наших классиков. Это избранное, которое не боится быть дополненным и переизданным. Избранное из уже ранее избранного. Если авангардисты постоянно норовят удивить читателя каким-нибудь броским словом, то Эльдар Ахатов остаётся преимущественно в пределах традиционной эстетики. У него – иные аргументы: пронзительный лиризм и высота духа. Метафоры и эпитеты – приветствуются. Ахатов пишет обо всем на свете, однако среди случайного ищет красивое, гармоничное, возвышающее душу. Это сознательный выбор. Жизнь порой бывает фантастичнее самой изощрённой выдумки. И вся жизнь – в «ожидании чуда, явившегося ниоткуда». Но поэт не просто ждёт его. Он его постоянно приближает, трудясь, как папа Карло, чтобы чудо состоялось. Немногие творческие люди могут похвастать работоспособностью, которую демонстрирует на протяжении долгого времени Эльдар Ахатов. А ещё он – открыватель новых смыслов, свежего взгляда, новой оптики в литературе и философии. Лермонтовская муза поэта поднимает вечные темы.

*Туда, где ангел пролетел,
И зверь крылатый возносился,
Я в бездну звёздную глядел,
Глядел и плакал, и молился,
Взывая истоиво всю ночь
К Тому, Кто милостив и светел,
И в силах каждому помочь...
И я просил. И Он ответил...
Волной вздымается заря,
И небом встывают горы,
И, воздухом животворя,
Сияют вечные просторы.*

Вспоминаются крылатые строки Михаила Юрьевича: «По небу полуночи ангел летел». А ещё Эльдар Ахадов – прекрасный живописец в стихах и прозе. Скажу больше: он – «последний романтик» 21-го века. Лирика Ахадова во многом чувственна, а это не так широко распространено среди представителей сильного пола. Чувственность и ранимость у Эльдара – одна из составляющих его поэтического облика, его авторского стиля. Мир, лишённый чувств, механистичен и никому не нужен. Автор делится с нами своим удивлением. Удивление заразительно! Вместе с автором приобщаешься к радости бытия.

*Речных огней косая линия
На воды зыбкие легла...
Туманно-серебристо-синяя
Кольшется ночная мгла,
И кажется – ещё мгновение –
И в нарастающей тиши
Раздаётся трепетное пение
Живой неведомой души.
И чудится её дыхание
Издали-издали,
Где лишь тумана колышание
Да молчаливая река.*

Эльдар – поэт, который много пишет о высотах. Иногда – в прямом смысле слова, как в этом стихотворении о горном лесе: «Лес – весь как птица на весу: / По сопкам длится. / Любое деревце в лесу / Дрожит, как птица. / Любое – в снежной пелене, / Где даль предельна, / Стоит лицом к чужой спине. / И все – отдельно. / Гуляют ветры по стволам, / Ветвям и судьбам; / Здесь равнодушны к похвалам / И глухи к судьям. / Здесь ни на время, ни на быт / Нельзя сослаться. / Здесь нужно кем-нибудь, но быть, / А не казаться. / Пустить слезу, проспать грозу, / Поклясться ложно: / Всё, что возможно там, внизу, – / Здесь – невозможно». «Быть, а не казаться» – важный постулат для поэта. Лирика Ахадова ценна тем, что, вопреки Козьме Пруткову, он объёмлет необъятное. И красоту мира, и страх лишиться жизни, и трагичность бытия, и кристальную чистоту души. Поэт не выбирает между мажором и минором, он может дать их одновременно. Он умеет удивляться и удивлять.

*Снег изысканно искрится,
Острым блеском устлан путь.
Снег ложится, как страница,
Чтобы вспыхнуть и уснуть.
Ветер снежной пылью крутит,
Тянет тонкую змею:
Это он в колодце мутит
Воду чистую мою.
Это он в дверные щели
Загоняет сквозняки...
В тёмных окнах – свист метели
И безумие тоски!..*

Удивительно, но Эльдар Ахадов, который родился и вырос в Баку, где снега не бывает, так ярко, сочно и точно передаёт дыхание русской метели. Стихов о снеге в книге очень много, и простое их перечисление займёт, наверное, с полстраницы. Секрет на самом деле прост: южанин Ахадов значительную

часть своей жизни проработал на Крайнем Севере, а сейчас живёт и трудится в Сибири, в Красноярске. Он тонко чувствует стихию снегопада: «Шёл и падал снег без ног / На ветра / Там, где мир – сплошная ночь / Без утра. / Шёл прозрачный в темноте, / Как слеза. / Во все стороны метель – / Ни следа. / Всё смешалось: миг и век, / Низ и верх. / Ничего святого нет – / Только снег!». Интересно, что во многих стихах метель у Эльдара соседствует со свечой. Помните, у Пастернака: «Свеча горела на столе...»? И у Рубцова во время метели – «тихий свет, пригрезившийся, что ли?» («Русский огонёк»). Я думаю, человеку обязательно нужен свет во тьме, пусть даже тьма – белая. И Эльдар Ахадов тонко чувствует эту связующую нить между зимней природой и человеком:

*Зимы истаяли недели,
Как затёртавшийся в ночи
В белёсам пламени метели
Мгновенный обморок свечи.
Но, о минувшем не гадая,
Всё оживлённей и смелей
Струится зелень молодая
По иероглифам ветвей.
И, словно осеня чудом
Мир, узнаваемый до слёз,
Пылает жидким изумрудом
За полем облачко берёз.*

Вы, наверное, уже обратили внимание, что многие стихи Ахадова – песенные. Это – внутреннее внимание к звучащему слову, присущее таланту поэта. «У каждой реки свой плеск. / У каждой души свой дождь. / Ты веришь не в то, что есть, / А в то, чего вечно ждёшь. / ...А рядом играют гимн / И ставят вопрос ребром... / У каждой трубы свой дым. / У каждой судьбы свой дом».

Невзирая на то, что автор «Ожидания чуда» – традиционалист, не могу сказать, что русский авангард прошёл мимо Ахадова. Это не так. Поэт испытывает жгучий, неподдельный, искренний интерес к творчеству Велимира Хлебникова, которому посвящено в новой книге несколько стихотворений: «Веет вечер-зинзивер: / Веер-ветер-велимир... / Индивеет индивер, / Засыпает зинзилир. / Зимневеет и звенит, / Зинзивает и скользит. / Сквозникают сквознички, / И чихают чихачи! / У свечи – / За тенью тень – / Зинь-зивень... / Зивень. / Зи- / Вень».

Я уже говорил о том, что стихи Ахадова всегда идут одним цельным потоком, без разбивки на отдельные части. Он – лирик широкого профиля. Эльдар всё время идет вперёд, ищет себя в чём-то новом. Это и есть его восхождение к вершинам. Помните – «небом вспыхивают горы»? Это была не случайная строчка. Альпинизм увлекает испытанием себя, своего мужества. Вспоминается фильм «Вертикаль» с песнями Владимира Высоцкого. А ещё горовосхождение – это метафора бытия.

*Туда, где ледяные сны.
К вершинам, грозным от рожденья,
По зову сердца и весны
Мы начинаем восхождение.
Долины взорваны травой.
На гребнях снег ещё дымится:
Объятый ветром, но живой.
Он обжигает наши лица.
Ещё не выдохлась турга:
Лавины эха, шагаи свиста.
И за альпийские луга
Тропа крута и камениста,
За каждым выступом скалы
Риск отступленья неизбежен.
Но там, внизу, кипят котлы,
И золотистый воздух нежен.
Там искры листьев занялись,
Там день язычески неистов...
А перед нами – только высь,
Где небо цвета аметистов.*

*За каждый шаг, за миг, за треть,
За приближение к вечной цели –
Не страшно вспыхнуть и сгореть
В белёсам пламени метели...
Короткий выдох. И – вперёд.
А там – пускай судьба превратна.
Но нет уже пути обратно
Тому, кто этот изберёт.*

Ахадов – лирик широкого профиля. Я достаточно давно знаком с творчеством поэта, однако ему удаётся время от времени меня искренне удивлять. Посмотрите на эту драматическую жанровую сцену. В монологе героя ощущается непосредственная авторская вовлечённость. Это и есть правда жизни:

*Хозяева! На посошок – вина!
Всё было вкусно, чинно, благородно.
Я не смотрю: целуйтесь, что угодно...
Ах, да! Я – рад, что ты – его жена.
Что эта речь нелепа и смешна,
Что роль моя, бесспорно, неуместна,
Не объясняй, я знаю, если честно,
Но чашу пью, как водится, до дна.
И что теперь? На посошок? Вина?
Нет. Покурю сначала – у окошка.
Что странного? Ну, выпил я немножко.
Случаются такие времена.
И всё же чашу надо пить до дна,
До дна – чтобы текло по подбородку.
О, сколько нужно на такую глотку,
Чтобы забыть, что ты теперь – жена!..
«Хозяева! На посошок – вина!».
И хлопнет дверь. И вздрогнешь ты невольно.
Не притворяйся, что тебе не больно.
Уже темно. И дует от окна.*

Любовь, в трактовке Ахадова, – понятие объёмное. Где-то рядом бродит и ненависть, где-то затаились и зависть, и неприятие чужого мнения, и агрессия, и зло. Крушение любви – маленькая смерть, и тот, кто однажды сумел пережить этот эпизод, будет жить долго и счастливо. Но горечь утраты, как фантомная боль, нахлынет и долго не отпускает. Человек – базис любого творческого начала. В случае с Эльдаром Ахадовым человек конгениален поэту. Он готов бесконечно дарить своё время друзьям. Мне доводилось бывать у Эльдара в его родном Баку. Радужный хозяин уделил мне всё своё время, и я тоже две недели пребывал в «ожидании чуда».